

Пьер Шоню

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Pierre Chaunu. L'économie: Dépassement et prospective.

In: J. Le Goff et P. Nora (eds.). Faire de l'histoire.

3 vols. Paris: Éditions Gallimard, 1974.

V.2: Nouvelles approches, p.51–73.

© Éditions Gallimard, 1974

Перевод А.В.Белянина

В рамках нашей очень старой науки истории – понятия двусмысленного и опасного, появившегося вместе с современным человеком и искусственно объединяющего множество разнородных областей в подобие системы, – экономическая история еще молода. Тем не менее профессиональный историк слабо осознает эту ее относительную молодость; его впечатляет внушительный объем уже проведенных исследований, начало которых относится к 1890-м годам. В то время экономическая тематика начинает робко завоевывать права гражданства в обширных трудах по истории наций – а европейские нации никогда не были столь величественно агрессивны, как в конце прошлого века. Правда, экономической истории пока еще отводится последнее место – 4/5 площади текста посвящены государству, а экономика делит остальное с гражданским обществом, наукой и искусством¹.

Вслед за обширными собраниями документов, в конце XIX в. начинают появляться и первые истории цен – на деле пока еще лишь сборники необработанных данных². Англия открыла этот путь книгами Роджерса (Rogers, 1866–1902; 1884), полезными и сегодня. За ней последовали Германия с трудами Вибе (Wiebe, 1895) и Франция с работами виконта д'Авенеля (d'Avenel, 1894–1926), а также Золя (Zolla, 1893–1894). Не забудем также о Наталисе де Вайи (de Wailly, 1857) и о

¹ Вспомните нашего ни разу не переизданного Лависса: пусть еще робкое включение сырых или почти необработанных экономических данных, наложение экономических событий на политические – все это уже, естественно, предполагает зачатки специального исследования. Эрнест Лабрусс (Labrousse, 1970) справедливо напоминал и о высоком качестве трудов Эмиля Левассера (Levasseur, 1900–1907).

² Никогда в Западной Европе составление больших сборников документов не было столь интенсивным, как между 1880 и 1910 гг. Что же касается динамики цен, то мы в свое время уже отмечали, что «из всех разделов экономической истории именно история цен, как история измерений, добилась наиболее впечатляющих результатов; по крайней мере, для нового времени и даже для средних веков она сыграла пионерскую роль» (Chaunu et Chaunu, 1955–1957, t.1).

Ж.Ж.Кламажеране (Clamageran, 1867–1876), тематика исследований которых ближе к экономической истории государства.

Все эти труды – архаика одновременно и экономической и количественной истории; но осторожное появление экономической добавки в рамках уже и без того весьма обильного исторического творчества отнюдь не случайно. Оно было связано с преобразованием индустриальных обществ после железнодорожной революции, историческим соревнованием наций, развитием экономической мысли в эпоху Парето и маржиналистов, признанием экономического и социального значения кризисов как либеральной политической экономией (Жюгляр), так и ее марксистскими критиками. В скрытой форме все это существовало с середины XIX в., но только в последние два его десятилетия сформировался первый эскиз независимого раздела экономической историографии. Возникновение этой первой, такой скромной критической массы преобразования также не случайно. На уровне мотиваций, несомненно, сыграла свою роль великая депрессия 1873/1874–1900/1905 гг. (в периодизации Ф.Симиана). Известно значение тогдашнего долгосрочного снижения цен на сельскохозяйственную продукцию в тех странах, где аграрный сектор оставался если не экономически, то социально самым весомым. Часть интеллектуальной элиты по-прежнему жила в сельских районах (как в случае виконта д'Авенеля) или получала от них дополнительные доходы в виде земельной ренты, постепенно оказывавшейся под угрозой вследствие тенденции к снижению доходности сельского хозяйства.

Известна и серьезность противоречий, которые характеризовали этот период перехода от второго к третьему этапу промышленного развития. Конечно, происходившие изменения не влияли непосредственно, механически на интеллектуальное творчество. Опосредующие звенья были многочисленны, разнообразны и медленно создавали перелом к лучшему в ту эпоху, когда плотность и скорость средств связи не достигла еще уровня эффективности, характерного для наших постиндустриальных обществ. Отсюда – множество скрытых процессов. Мрачная атмосфера конца XIX в. продолжала давить на умы и в начале XX в., хотя на уровне материальной жизни проходило уже 5, 10 или 15 лет с тех пор, как депрессия уступила место агрессивному росту.

Таким образом, приходится констатировать, что начатое в 1890-х годах движение, не получив поддержки, не сумело вывести экономическую историю из состояния неопределенности. Современная экономическая история как многогранная гуманитарная наука возникла лишь в конце 20 – начале 30-х годов, из тревог и несчастий этой эпохи, в болезненной атмосфере кризиса огромного размаха, имевшего бесчисленные последствия.

1

Итак, современная экономическая история как наука начинается на рубеже 30-х годов. То, что предшествует этому периоду, имеет лишь документальную ценность, впитанную и усвоенную историей современной. Все, что мы имеем до 1929 г., – это архаика экономической истории.

Чем объясняется рубеж 1929–1933 гг.? Может быть, его создала естественная игра смены поколений (Renouard, 1953; 1968, t.1, p.1–23), заставляющая нас останавливать внимание именно на этом времени? Или он объясняется объективной реальностью интеллектуального творчества той эпохи? Или же реальностью конъюнктурного и одновременно структурного экономического кризиса?

Целое поколение историков, занявших после второй мировой войны командные высоты в исследованиях, публикациях и преподавании, начало творить в обстановке великого экономического кризиса. Во Франции лидирующую роль сыграли Эрнест Лабрусс (1895–1988) и Фернан Бродель (1902–1985), которые оказали влияние на сознание всего общества. Их великие труды, вскормившие всю экономическую историю после второй мировой войны (Labrousse, 1933; 1944; Braudel, 1949), были задуманы, выношены и созданы в атмосфере кризиса 1929–1933 гг.

С точки зрения смены поколений полвека – весьма удобный промежуток времени для периодизации интеллектуальной истории³. Но структурная ломка конца 20 – начала 30-х годов и объективно представляется историческому анализу как «ключевое» время.

Все сходится к рубежу 30-х. В области гуманитарных наук в 1928–1937 гг. произошел переворот почти такого же порядка, как и естественнонаучный переворот начала XX в. (от квантов до первой формулировки специальной теории относительности). Особые черты эпохи начала 30-х годов сформировались благодаря наложению времени всеобщего обновления на время проявления последствий фундаментальных открытий начала века в естественных науках.

Общая теория относительности была сформулирована в годы первой мировой войны – в период, явно неблагоприятный для ее обнаружения и распространения. Потребовалось 15 лет, чтобы сделать из нее выводы и начать верификацию. Однако к радикальному изменению научного горизонта она привела лишь в результате параллельных с ней, если не сказать дополнительных и вытекающих из нее усилий. Волновая механика, созданная Луи де Бройлем в 1923 г., окончательно утвердилась в 1929 г. На пороге 30-х годов релятивистская и квантовая физика вышла за пределы научного мира. Благодаря Ланжевону, Русселю и другим она проникла в сферу культуры и возвела свои революционные вопросы на уровень философии. Трудно припомнить переворот в умах, аналогичный этому.

Отправным пунктом переворота в практике стала и радиоактивность. В 1919 г. в Кембридже лорд Резерфорд осуществил первое искусственное превращение элементов (азота в кислород). К концу 1933 г. известно уже около 40 природных радиоактивных изотопов. Фредерик и Ирен Жолио-Кюри открывают очень ценные искусственные изотопы – к 1937 г. их создано уже 190. В 1924–1928 гг., благода-

³ Несмотря на отмеченный статистикой рост продолжительности человеческой жизни (впрочем, уже остановившийся в наиболее развитых регионах, где сказывается влияние наших вредных привычек), сама эта продолжительность определена уже 3000 лет назад. Не находим ли мы ее в молитве Моисея из Псалтыря: «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет...» (Псалтырь, 89, 10)? Это пятьдесят активных лет трудовой жизни.

ря новому телескопу на горе Вильсон, Хаббл открывает красное смещение; появляется теория расширяющейся вселенной и новая космогония. Этот скромный наблюдатель сделал для астрономии 30-х годов не меньше, чем Гершель в конце XVIII в. Меньше оценили тогда другое эпохальное открытие – пенициллина Флеммингом в 1929 г. А кто мог предвидеть значение первого лепета кибернетики в 30-е годы?

Относительность и радиоактивность, с одной стороны, красное смещение, антибиотики, кибернетика – с другой. И где-то очень далеко в системе знаний – Фрейд... а почему бы и не труды Иерусалимской библейской школы?

История как интеллектуальная дисциплина не может быть оторвана от совокупности всей интеллектуальной продукции человечества. Но, помимо всего прочего, связь развития исторической науки с рубежом 30-х годов обусловлена очевидными экономическими и социальными особенностями этого периода. В этом – корень проблемы⁴.

Конечно, исторические повествования, хроники великих историков – от Геродота через Лас Касаса до Мишле – всегда поднимались над событиями. История всегда выходила на скрытые свойства общественной структуры. Но между той историей, которую писали, и той, в которой жили, между системой цивилизаций в историографии и упорядочением прошлого в историческом повествовании всегда существовали соответствия. В конце XIX в., в эпоху «позитивистской», гиперкритической и сциентистской историографии, эти соответствия были неявными, а связь – скрытыми столь глубоко, что оказывались еле ощутимы. В результате же историографического преобразования, которое про-

⁴ Напомню, что в США уровень производства 1929 г. был превзойден лишь на рубеже 1941–1942 гг., с началом войны; что в 1932 г. производство стали составило 17% от уровня 1929 г., сельскохозяйственных машин – 20, текстиля – 70, сельскохозяйственной продукции – 94... (Freidel, 1965); что кризис почти такой же силы бушевал по всей северо-западной промышленно развитой Европе, особенно в Германии. В промышленно слабо развитых странах, защищенных исключительно государственной (подчас искусственно) экономикой при замкнутости экономического пространства (как в Латинской Америке, например, в Бразилии), рост происходил в условиях, когда промышленность практически отсутствовала, а экспортное сельское хозяйство было повергнуто в такой же кризис, как производство стали в США. То же самое было в СССР, который превзошел показатели промышленного производства царской России лишь в начале второй пятилетки (1934 г.) и был далек от того, чтобы достичь уровня сельскохозяйственного производства 1913 г. Во Франции, несмотря на видимость относительной защищенности очень разнородного экономического комплекса, потери из-за необновления оборудования с 1930 по 1939 г., как подсчитала комиссия по плану Монне, превысили уровень военных потерь с 1940 по 1945 г.

Наконец – и прежде всего, – в эти годы разразился чрезвычайно тяжелый демографический кризис. С 1930 по 1939 гг. почти во всех промышленно развитых странах нетто-коэффициент воспроизводства населения был меньше единицы, а в больших столицах (Вена и Стокгольм) в разгар кризиса он составлял 0,4 или 0,5. Подобное ненормальное поведение, сохраняющееся на протяжении более или менее длительных периодов, свидетельствует об очень глубоком смятении людей. Лишь между 1937 и 1942 г. саморегулирующие механизмы начали действовать в противоположную сторону, и с 1942/45 по 1962/64 годы демографическая ситуация улучшается.

изошло на рубеже 30-х годов, выявление таких соответствий вышло на первый план.

Экономическая история в ее первой форме – это попытка ответить без прикрас на тревожные вопросы эпохи. Анализ взаимосвязей, сопоставления, изучение человеческой природы, исторические аналогии – все это явно делалось как ответ на проблему номер один: кризис. Перечитайте и взгляните в классический пример активного полидисциплинарного подхода, утилитарной и животрепещущей истории, которую Франсуа Симиан публиковал в беспокойное время под кристально понятным названием, явственно определяющим программу создающейся экономической истории: «Долгосрочные экономические колебания и мировой кризис» (Simiand, 1932). «Мировой кризис» – эти слова повсюду, эта проблема – во всех умах.

В попытке дать, конечно, частичное, но связное объяснение кризиса тех лет Франсуа Симиан развил свою теорию долгосрочных колебаний, пойдя дальше Кондратьева, предложившего малоубедительную гипотезу о зависимости экономических колебаний от циклов солнечной активности*, и выдвинув свою теорию фаз, имевшую огромный успех во франкоязычной историографии (Imbert, 1959). Франсуа Симиан объяснял кризис 1929–1932 гг. наложением циклического кризиса на фазовое изменение, сравнивая ситуацию этих лет с 1873 и 1817 гг. и прокладывая даже некоторые вехи к началу XVII и середине XIV в. (Simiand, 1932).

Кризис такого размаха, который затронул одновременно все сферы⁵, не мог быть объяснен только одной причиной. Франсуа Симиан почувствовал это, хотя с позиций сегодняшнего дня его концепция кажется несколько упрощенной. В действительности кризис 30-х годов явился типичной структурной коррекцией, он возник из наложения друг на друга разноплановых причин, породивших феномен резонанса. В 1929–1933 гг. закончился период «скрытого» развития экономики; то было время конца целого ряда старых и открытия новых технологических горизонтов, проблеска новой цивилизационной системы. Иными словами, 1930 год положил предел тому типу роста, который был характерен для XIX в., и тщетно пытался сочетать старые, традиционные приемы использования пространства и материи с инновационными механизмами.

2

Становление современной экономической истории было тесно связано с количественной историей, зародившейся тогда же, на рубеже 30-х годов, вместе с «великим предприятием создания научной истории цен» (Hauser, 1930). В течение нескольких лет были созданы длин-

* П.Шоноу ошибается: Н.Д.Кондратьев такой гипотезы никогда не выдвигал (см., например: Кондратьев, 1989). Ее автором является английский экономист У.С.Джевонс. (Прим. ред.)

⁵ Вплоть до религиозной сферы: 30-е годы были годами возвращения и возрождения теологической и мистической мысли (Карл Барт).

ные, утонченные, сложные и четкие статистические ряды, смело устремленные в прошлое, связавшие протостатистику XVIII – начала XIX в. с тщательно выверенной статистикой XIX в. и замкнувшие протостатистику XVIII в. на предстатистику, которая запросто восходит в средиземноморских странах к XIV, а в Италии – иногда и к XIII в.⁶

Тогда и родилась систематическая количественная экономическая история. Для нее были характерны две главнейшие черты. Во-первых, она соединила целый раздел истории с другой важнейшей гуманитарной наукой сегодняшнего дня – экономикой. Экономическая история стала не просто отраслью истории, но и наукой, помогающей политической экономии; она применяет для изучения прошлого модели, созданные для количественного анализа текущей экономической деятельности. Во-вторых, она сохранила склонность к изучению динамики. В известной мере вся количественная экономическая история – это история ДВИЖЕНИЯ, изменчивости, история сдвигов в структуре экономики. Такая нацеленность в конечном итоге способствовала переходу от традиционной историографии к новой. После Симмиана даже структурная история стала в работах Эрнеста Лабрусса историей изменений и вариаций. В то же время, в результате инстинктивного выбора в пользу непрерывности в историческом исследовании, возникло второе фундаментальное новшество 30-х годов – постепенный генезис географической истории (см.: Chauncy, 1969c), которая обязана своим существованием изобретательному гению Фернана Броделя.

В предисловии к «Средиземноморью» Бродель показал (Braudel, 1949), к чему свелась к концу 30-х годов исчерпавшая себя позитивистская история: прекрасная техника, замечательный инструментарий исследований⁷, поставленные на службу улучшенной государственной хронике. Чего больше всего не хватало истории до 30-х годов, так это проблемности. Но рядом с этой беспроblemной историей существовала наука географии, которая уже в эпоху Альберта Деманжона и Гора Видаля де ла Бланша могла предложить историкам целую гамму универсальных проблем.

Зарождение геоистории между 1930 и 1945 гг. было связано, в конечном итоге, с созданием одного научного произведения, в котором автор – Ф.Бродель – совершил переход от средиземноморской политики Филиппа II к Средиземноморью и Средиземноморскому Миру эпохи Филиппа II. Средиземноморье – это пространство в 3 миллиона квадратных километров воды, 2 миллиона квадратных километров суши,

⁶ Во Франции – Н.Hauser, E.Labrousse; в Англии – W.Beveridge; в Голландии – N.W.Posthumus; в Бельгии – C.Verlinden, Y.Craey-Beckx; в Германии – M.J.Elsas; в Австрии – A.F.Pribram; в Дании – A.Friis; в Польше – S.Hoszowski; в России – А.Г.Маньков; в Испании – E.J.Hamilton; в Португалии – V.M.Godinho; в Италии – A.Fanfani, G.Parenti. Обобщающее резюме всех исследований, посвященных истории цен, см. в: Braudel and Spooner, 1967.

⁷ От Лоренцо Валлы и итальянского гуманизма XV в., через труды бенедиктинцев Святого Маврикия, появившихся на фоне кризиса европейского сознания накануне эпохи Просвещения, до исторического толкования Библии в немецких университетах XIX в. – техника критики текстов и анализа фактов имела достаточно возможностей для того, чтобы достичь такого уровня формального совершенства, который, видимо, никогда не будет превзойден.

4 тысячи лет истории (поскольку письменные источники зародились тоже здесь). Средиземноморье оказалось – и это явилось потрясающим открытием – пространством без государства, пространством реальным, то есть пейзажем, диалогом человека с землей и климатом, извечным сражением человека с материальным миром вещей, без государственного посредничества, без ограничивающих права человека национальных пределов с их административной географией и границами.

Геоистория – это, в рамках все той же истории, очень протяженное, почти геологическое время, время неподвижное и поэтому находящееся в диалектическом противоречии с тем скоротечным и нервным временем, которое конъюнктурная динамика школы Симиана и еще больше Лабрусса, с ее не созревшими структуралистскими наклонностями, извлекла из обобщного тока истории (см.: Chaunu, 1960a). В то же самое время пространство уже перестает определять экономический рост и знамена последних колониальных империй – наследниц теряющей темп индустриальной Европы XIX в. – уже готовы склониться, а сами империи – превратиться в образования с более сложными зависимостями, чем те, которые географическое измерение навязывает истории. Таким образом, экономической истории 30-х и 40-х годов приходится заниматься и конъюнктурной динамикой, и анализом дуализма пространства – времени.

С 1945 по 1960 г. французская экономическая история, под влиянием Эрнеста Лабрусса и Фернана Броделя, старается в процессе своего развития воспринять это двойное новшество. Ей хочется совместить урок Симиана и урок геоистории. Она ищет целостности – экономического единства – в рамках различных пространств: от небольших областей (Goubert, 1960; Chaunu, 1960b; Vilar, 1962), от провинции как повода для гениального исследования самого протяженного периода (Le Roy Ladurie, 1966), – исследования, намечающего формы другой экономической истории, – вплоть до больших океанских просторов (Mauro, 1960; Chaunu, 1960–1966; 1961; Chaunu et Chaunu, 1955–1957; Godinho, 1969. Возможно, именно в таком исследовании океанских пространств наиболее явным образом пыталась реализовать себя комбинация конъюнктурной динамики Симиана–Лабрусса и геоистории Фернана Броделя (см. Chaunu, 1969a, 1969c). Такие макропространственные исследования, естественно, воплощаются в структурном и конъюнктурном анализе. В результате начиная с 50-х годов экономическая история стала преодолевать опасную, но изначально неизбежную тенденцию сведения конъюнктурных исследований к изучению динамики цен.

Начав с модели цен, стремясь обнаружить волновую структуру и конъюнктурную динамику старых хозяйств достатистической эры, количественная история первого периода была еще слишком отмечена тяготами кризиса и верой в возможность создания утонченных количественных методов, чтобы с ходу решиться на переход к неброским, но полезным глобальным историческим оценкам, в которых столь преуспел Фернан Бродель (см.: Chaunu, 1968). Велик соблазн согласиться с критикой, сформулированной последующими сторонниками количественных методов, принадлежащими к школе Кузнецца и Марчевского, которые говорили, что количественная школа первого поколения отдала, быть может, слишком много сил составлению предельно точных рядов данных о маловажных сферах экономики в ущерб более значи-

тельным⁸. Но тем не менее именно благодаря этой строгости мысли и достоверности результатов, характерных для первого этапа и базировавшихся на анализе конъюнктурной динамики, экономическая история может сегодня поддерживать свои огромные амбиции.

3

На протяжении 50-х годов, сперва в США, затем, под сенью кафедр политической экономики, – и в Европе, складывается новое направление экономической истории, более честолюбивое по своим целям, но прежде всего отличное по мотивациям, которое не сразу распространилось на конъюнктурную динамику. У истоков его стоит крупная фигура Саймона Кузнеца. Ограничусь здесь ссылкой на одну вежливую дискуссию (Marczewski, 1961–1969; Chaunu, 1964; 1970) и приведу лишь один вывод, который, видимо, из нее следует. Термин «количественная экономическая история» должен обозначать только деятельность типа той, которой занимались Саймон Кузнец и Жан Марчевский; «мы будем говорить впредь о количественной экономической истории, только если ее результаты могут быть представлены в виде национальных счетов» (Chaunu, 1970), региональных или макропространственных, когда квантификация представляется глобальной, систематической и всеобщей.

Действительно, этот вид истории в техническом плане связан с распространением крупных систем национальных счетов в наиболее промышленно развитых, а значит, и лучше других оснащенных экономической статистикой странах.

Усилия в этом направлении продолжаются. Ценой нескольких относительно незначительных неудач, которые касаются почти исключительно протостатистики, это направление обобщающей экономической истории добилось в накоплении полезных знаний о прошлом весьма ощутимого прогресса.

Исторический опыт имеет свои пределы, как и свои опасности; цель его, видимо, подготавливать новые прорывы в методике исследований. В действительности же опыт утверждается в тесной связи с теми проблемами, которые, может быть, менее актуально звучат на пороге 70-х, чем в 50-е годы XX в. Эта новая форма количественной истории есть прежде всего история экономического роста. Если экономическая история первого периода была главным образом историей конъюнктурной динамики, историей КРИЗИСА, то количественная история новых экономистов – это прежде всего история «взлета» (take off), РОСТА и разных типов этого роста. Она неотделима от успеха Росту (Rostow, 1960). Неотделима от деколонизации, от открытия «третьего мира» за пределами Европы и Северной Америки, то есть от региональных особенностей всех «ПОЛУДЕННЫХ» стран, и прежде всего – от пресловутого феномена ножниц цен. Ускорение экономического роста, улучшение – к сожалению, слишком недолгое, – демографической ситуации в развитых странах, а также то, что было так бес-

⁸ Эта критика американских ультралиберальных сторонников количественного анализа любопытным образом совпала с критикой со стороны ортодоксальных марксистов, появившейся 10 лет спустя.

толково названо демографическим взрывом в третьем мире, – вся эта реальная действительность заставила изучать прошлые структуры экономического развития.

До достижения порога гипотетической зрелости развитие совершается кумулятивно, поэтому именно те отрасли, которые уже достигли высокого уровня, способны развиваться быстрее других. Вот почему то расстояние, которое отделяет промышленно развитые страны от стран с традиционной экономикой, даже если те уже ассимилированы и втянуты в мировое хозяйство, имеет тенденцию к увеличению. Актуальной становится задача изучения механизмов развития (которое не следует путать с ростом), различия общих характеристик и черт исторического развития, характерных для английского и европейского «взлета» (Bairoch, 1969; Crouzet, 1971; Fohlen, 1971; Hartwell, 1970; Landes, 1969).

Эта вторая форма экономической истории имеет свои пределы: совершенно очевидно, что тотальная квантификация в форме замкнутой системы национального счетоводства не может быть осуществлена для периодов ранее XIX в.⁹

Дает ли нам что-то дополнительное НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ (Levy Leboyer, 1969) ? Эта так называемая история вообще едва ли является таковой. Она охватывает очень короткий временной интервал, практически относящийся к нашим дням; она ограничивается рамками сверхразвитого американского хозяйства, применяя – без особого успеха – различные тонкие методы к обильному и в основном уже и так предварительно обработанному материалу.

С учетом этих обстоятельств Новая Экономическая История есть не что иное, как североамериканское подразделение второй формы количественной экономической истории, истории эпохи национального счетоводства и моделирования. Даже внутри американской экономики Новая Экономическая История сталкивается с трудностями, как только она доходит до 1830-х годов, – ее сторонники практически отказываются включать в свои схемы далекую для них архаику 1800–1830 гг. Хотя и с разной степенью ясности, но все они отдают себе отчет в том, что в тот период произошли структурные изменения, которые делают объединение данных делом трудным и рискованным. Отсюда их показательное обращение к теоретическим моделям, в которых использованы гипотезы без исторической верификации. Самый известный пример – гипотеза о развитии американской экономики без железных дорог, тут абсурд достигает апогея. Наконец, в этих работах используется множество неявных методологических предпосылок. НОМО OECONOMICUS Новой Экономической Истории представляется мне, может быть за редкими исключениями, совершенно искусственным. Мало того, что он реагирует только на прибыль, он реагирует на нее

⁹ То, что создали Филлис Дин и У.А.Коул (Deane and Cole, 1964), представляется мне на сегодняшний день единственной хоть сколько-нибудь удачной количественной историей, берущей начало в конце XVII в., – и это, в частности, благодаря гениальной пионерской работе Грегори Кинга. Но очевидно, что эта квантификация Дин и Коула вряд ли может рассматриваться как тотальная – она лишь весьма приблизительно отвечает требованиям Кузнецца и Марчевского.

мгновенно и идеальным образом, без колебаний и внутренних конфликтов, без задних мыслей, – короче, это просто совершенный человек, каким его воображали в курсах политической экономии эпохи Жана Батиста Сэя: без тела, без пола, без страстей, без происхождения, без сознания, без души, всегда рациональный, хорошо информированный, готовый реагировать только на прибыль, как механическая кукла Вокансона. Конечно, этот пассаж явно утрирован, но он показывает, что прогресс – это не просто движение вперед, но также и умение сохранить достигнутое, что всегда несколько сложнее. Иначе можно, не останавливаясь, перескочить из времени компьютеров во время пещер.

Глобальность квантификации не должна достигаться ценой ухудшения качества статистического материала по сравнению с предшествующими этапами исследования.

Главное ограничение, однако, в ином. Оно видится мне в том факте, что новая количественная экономическая история с гораздо большим трудом, чем это делала конъюнктурная динамика и географическая история 30–50-х годов, выходит за рамки собственно экономической сферы.

4

Вот почему новая количественная экономическая история требует как можно более быстрого перехода к новым методам анализа. В течение последних лет вырисовывается то, что я попытался определить как ВОЗВРАТ К ИССЛЕДОВАНИЮ РЯДОВ И ВЫХОД КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ НА ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ. Первые исследования структурной динамики относятся к 1890-м годам, их взлет пришелся на 1930–1935 гг., а расцвет – на 1950–1960 гг. Глобальная количественная история начинается около 1930 г., ее взлет пришелся на начало 60-х годов, а кульминация – на 1965–1968 гг. Она еще далеко не исчерпала своего порыва, неизмеримо велики возможности ее сочетания с конъюнктурной динамикой и с геоисторией. С началом применения компьютеров третьего поколения ее возможности стали поистине огромны (Couturier, 1966). Во Франции одними из первых этим воспользовались Марсель Кутюрье, Эмманюэль Ле Руа Ладюри, Франсуа Фюре. С 1968 г. в экономической истории практически не встречается серьезных работ, авторы которых не прибегали бы к массивной обработке информации. Новая количественная экономическая история не родилась вместе с компьютером, но ее рост был существенно облегчен этим замечательным инструментом расширения наших возможностей. Компьютер призван способствовать не только прогрессу экономической истории, но и обновлению ее методов.

В этом и заключается великое преобразование исторической науки. Экономическая история сегодня не столько объект, сколько состояние сознания, совокупность методов, подход. Поэтому для анализа всего, что развивается, я предлагаю отставить методы количественной истории и использовать методы «серийной истории» или «истории рядов» (*histoire serielle*). Эта последняя включает в себя все разновидности количественной истории, но в то же время идет дальше, к завоеванию третьего уровня, подступая к порогу постижения систем цивилизации.

Серийная история также имеет свои истоки. Оттолкнувшись 20 лет назад от размышлений о крестовых походах, Альфонс Дюпрон начал исследовать самые потаенные аспекты коллективного сознания, продвигаясь от слов к вещам, от панических проявлений Веры к словарю эпохи Просвещения. Серийная история, отзываясь на современные проблемы, предусматривает образование целой системы союзов с другими гуманитарными науками, которые до сих пор не пользовались методом серийного анализа, – от антропологии до различных этнологических исследований и коллективной психологии, не забывая при этом и свою старую, традиционную, но вечно обновляющуюся союзницу – демографию.

Экономическая история не перестает совершенствовать свои инструменты анализа. Случается, что на крутых поворотах своих интеллектуальных дорог она находит даже нечто большее, чем то, что искала.

Вот только три примера из многих.

Эмманюэль Ле Руа Ладюри показал в своих трудах, начиная с КРЕСТЬЯН ЛАНГЕДОКА (Le Roy Ladurie, 1966) и вплоть до большого исследования французской армии в 1826 г. (Aron et al., 1972), что использование регрессионного анализа антропологических данных желательно, возможно и бесконечно плодотворно для познания человеческой природы.

Тот же Эмманюэль Ле Руа Ладюри показал, каким образом можно создать историю климатических изменений в коротком, среднем и очень долгом периоде (Аеруа Ладюри, 1971 [1967]).

Наконец, Центр исследований количественной истории Канского Университета разработал метод, который я предлагаю называть методом серийной административной истории и регрессионной картографии (см.: Chaunu, 1972a). Он позволяет исчерпывающим образом использовать разрозненные цифровые данные для всей эпохи традиционных обществ в региональном масштабе с конца XIII до начала XIX в. Выигрыш в производительности огромен, а использование материала, непригодного с точки зрения традиционных методов, существенно возрастает. Этот метод плодотворен еще и потому, что среда обитания сельского жителя с XIII до XIX в. была удивительно стабильна на всей заселенной территории земного шара. Все свои возможности метод проявляет именно сейчас благодаря компьютерам. Он и был создан для изучения населения в сверхдолгом периоде (см. Gouhier, 1974). Административная серийная история, как и регрессионная картография, служит несомненным свидетельством значения исторической демографии.

Демография, эта поистине старшая дочь экономической истории – ибо о какой экономической истории может идти речь без того, что Эрнест Лабрусс всегда называл знаменателем (уточним, структурно взвешенным знаменателем), – оказывается сегодня и первой виновницей нового взлета серийной истории (см.: Chaunu, 1971). Демография – наука по преимуществу французская, наука долгих периодов, так как Франция была лабораторией катастрофического старения занятого населения¹⁰; наука, которая почти с необходимостью требует длинных рядов данных. Историческая демография уже много лет остается дисциплиной номер один, самой плодотворной из всех отраслей исторических исследований. Гениальный метод Флери-Анри – это метод истори-

¹⁰ Впервые в 1847–1851 гг. и далее почти непрерывно после 1896 г.

ка и даже, что звучит почти комично, генеалога: что может быть более историчным в традиционном смысле слова, чем история семей; где может быть больше рядов, чем в методе, позволяющем вычислять нетто-коэффициент воспроизводства и вероятность выживания в Коли-тоне с XIV в. до наших дней?

Демографическая история сегодня ценна преимущественно своими результатами и – стоит ли уточнять – своим побочным воздействием. Кропотливый труд над картотеками извлечений из архивов бедных семей естественно приводит к религиозной серийной истории (Chaunu, 1965), к истории отношения к жизни, к истории семейных пар, то есть от фундаментальных базовых структур социальности – к истории любви, жизни и смерти.

* * *

В одной из наших работ (Chaunu, 1972b) мы постарались вскрыть причины, которые толкают серийную историю, вчера еще бывшую лишь экономической и социальной, на штурм третьего уровня, к познанию сущности, страстей, разума, коллективной психики... точнее сказать, к познанию систем цивилизации. Эта отрасль истории существует несколько десятилетий, но долгое время почти единственным, кто прокладывал ей путь, был Альфонс Дюпрон. Качественные сдвиги последних лет произошли в результате расширения сфер интересов и применения в этой новой отрасли серийных методов, разработанных экономическими историками, то есть в результате составления статистических рядов, их математического анализа и двойного подхода к документу: сначала к документу как таковому, а затем к его месту в однородном ряду, в который включена и встроена исходная информация.

Здесь возможны несколько подходов. Внутреннее содержание цивилизации, обладающей письменными источниками, определить относительно проще. Франсуа Фюре (Furet, 1965), Анри Мартен (Martin, 1969; Martin et Febvre, 1958), Робер Эстиваль (Estivals, 1961; 1965) и некоторые другие (La statistique..., 1965) заложили основы полномасштабного количественного исследования печатных письменных источников. Благодаря количественной семантике и с помощью компьютера мы можем приступить к исследованию глобального содержания различных форм выражения мысли.

Понять содержание традиционных культур, получить доступ к мыслям, к эмоциям и кругу интересов тех, кто не знал письменности – гораздо сложнее. Но и здесь могут быть позаимствованы и приспособлены методы экономической истории. Виктор-Люсьен Тапи (Tapie, 1972) со своими учениками недавно красноречиво показал, как много может дать исследование алтарей сельских церквей XVII и XVIII вв., этих прекрасных свидетелей религиозных чувств и содержания Веры. Обработка содержания образов производилась частично с помощью графических средств, описанных Жаком Бертенем в ГРАФИЧЕСКОЙ СЕМИОЛОГИИ (Bertin, 1967). Это пионерское исследование служит сегодня отправным пунктом будущего – хочется надеяться, последовательного – исследования образов.

Зависимости еще лучше обнаруживаются при использовании метода рядов для серийного анализа мебели, церквей и крестьянских жилищ.

Достаточно классическое историко-экономическое исследование Барде и др. (Bardet et al., 1971) перерастает сегодня в фундаменталь-

ное исследование совершенно нового типа. Через объект, рассматриваемый в глобальном контексте, историки стараются понять содержание цивилизаций, не обладавших письменностью.

Но очевидно, дальше всего в этом направлении идут исследования человеческих отношений (между мужчиной и женщиной), жизни и смерти. Замечательная пионерская книга Мишеля Вовеля (Vovelle, 1973), прекрасная и более классическая книга Франсуа Лебрена (Lebrun, 1971) с редкостно тонким анализом, целый ряд появляющихся в последние годы диссертаций – все эти работы показывают, что количественный анализ, освоенный благодаря экономике – вчера, и информатике – завтра, может приоткрыть важную страницу истории сущего.

Деталь за деталью выстраивается глобальная история мирового цивилизационного порядка. Очевидна ее связь с кризисом цивилизации, который с 1962 г., сфера за сферой, охватывает те страны, что последовательно и постепенно достигают постиндустриальной эры. Кризис ставит под сомнение светскую интерпретацию ценностей христианской цивилизации, доставшуюся от эпохи Просвещения, эсхатологическое наложение христианского идеала на экономический рост, долгое время остававшийся самодостаточным. История разновидностей образа действия почти с необходимостью уступает место истории образов мышления, восприятия: история подошла к порогу постижения мотиваций (см.: Chaunu, 1974).

Вот почему количественные исследования способов образования семей, отношения людских сообществ к смерти составляют полезный, но временный этап. Необходимо охватить всю совокупность информации, чтобы правильно интерпретировать те тревожные знаки, за которыми как раз и скрыто самое главное. В свете серийной истории надлежит вернуться к самым утонченным и глубоким мыслям элиты. Метод изучения рядов дает выход на более высокий уровень качественного анализа.

Этого заслуживает история систем цивилизаций, которая стала сегодня жизненно необходимой.

ЛИТЕРАТУРА

- Кондратьев Н.Д.** Большие циклы конъюнктуры. В: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. Москва: Экономика, 1989, с.170–411.
- Леруа Ладюри Э.** История климата за 1000 лет. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1971 [1967].
- Aron J.P., Dumont P., Le Roy Ladurie E.** Antropologie du conscrit français d'après les comptes numériques et sommaires du recrutement de l'armée 1819–1826. Paris-La Haye: Mouton, 1972.
- d'Avenel G.** Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général, depuis 1200 jusqu'à l'an 1800. 7 vols. Paris, 1894–1926.
- Bardet J.-P., Chaunu P., Desert G., Gouhier P., Neveu H.** Le bâtiment, enquête d'histoire économique, XIV–XIX siècles. V.I. Maisons rurales et urbaines dans la France traditionnelle. Paris: Mouton, 1971.
- Barioch P.** Révolution industrielle et ses développements. 3-e ed. Paris: S.E.D.E.S., 1969.
- Bertin J.** Sémiologie graphique. Paris, Gauthier-Villars: Mouton, 1967.
- Braudel F.** La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. 2 vols. Paris: A.Colin, 1949.

- Braudel F. and Spooner F.C.** Prices in Europe from 1450 to 1750. In: Cambridge Economic History, Cambridge: Cambridge University Press, 1967, v.4.
- Chaunu H. et Chaunu P.** Séville et Atlantique (1504–1650). Paris: S.E.V.P.E.N., 1955–1957.
- Chaunu P.** Dynamique conjoncturelle et histoire sérielle // Industrie, juin 1960a, N.6.
- Chaunu P.** En marge de Beauvaisis exemplaire. Problèmes de fait et de méthode // Annales de Normandie, décembre 1960b, N.4, p.337–365.
- Chaunu P.** Les Philippines et le Pacifique des Iberiques. 2 vol. Paris: S.E.V.P.E.N., 1960–1966.
- Chaunu P.** Brésil et Atlantique au XVII-e siècle // Annales: E.S.C., 1961, N.6, p.1176–1207.
- Chaunu P.** Histoire quantitative ou histoire sérielle // Cahier Vilfredo Pareto, Genève: Droz, t.3, 1964, p.165–176.
- Chaunu P.** Une histoire religieuse sérielle // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 1965, N.1, pp.5–34.
- Chaunu P.** Le climat et l'histoire à propos d'un livre récent // Revue historique, 1967, t.238, fasc. 484, p.365–376.
- Chaunu P.** La pesée globale en histoire // Cahiers Vilfredo Pareto, Genève: Droz, 1968, t.15, p.135–164.
- Chaunu P.** Conquête et exploitation des nouveaux mondes. Paris, 1969a.
- Chaunu P.** L'Expansion européenne du XIII au XV siècle. Paris: P.U.F., 1969b.
- Chaunu P.** L'histoire géographique // Revue de l'enseignement supérieur, 1969c, N.44–45, p.66–77.
- Chaunu P.** Histoire sérielle, bilan et perspective. Revue historique, fasc. 494, avril-juin 1970.
- Chaunu P.** La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris: Arthaud, 1971.
- Chaunu P.** Les enquêtes du centre de recherches d'histoire quantitative à Caen, bilans et perspectives. Colloque du C.N.R.S. de Lyon, octobre 1970. Paris: C.N.R.S., 1972a, p.285–304.
- Chaunu P.** Un nouveau champ pour l'histoire sérielle, le quantitatif au troisième niveau. In: Mélanges Fernan Braudel, Privat, 1972b, t.2, p.105–126.
- Chaunu P.** Histoire Science Sociale – La durée, l'espace et l'homme a l'époque moderne. Paris: S.E.D.E.S., 1974.
- Clamageran J.-J.** Histoire de l'impôt en France. 3 vols. Paris, 1867–1876.
- Couturier M.** Vers une nouvelle méthodologie mécanographique. La préparation des données // Annales: E.S.C., juillet-août 1966, N.4, pp.769–778.
- Crouzet F.** The Economic History of Modern Europe // The Journal of Economic History, March 1971, vol.31, N.1, p.135–152.
- Deane Ph. and Cole W.S.** British Economic Growth, 1688–1959. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
- Estivals R.** Le Dépôt légal sous l'Ancien Régime de 1537 à 1791. Paris: Marcel Riviere, 1961.
- Estivals R.** La Statistique bibliographique de la France sous la monarchie au XVIII-e siècle. Paris-La Haye: Mouton, 1965.
- Freidel F.** America in the Twentieth Century. New York: A.A.Knopf, 1965.
- Fohlen C.** Qu'est-ce que la révolution industrielle? Paris: Robert Laffont, 1971.
- Furet F. et al.** Livre et société dans la France du XVIII-e siècle. Paris-La Haye: Mouton, 1965.
- Godinho V.M.** L'Economie de l'empire portugais aux XV et XVI siècles. Paris: S.E.V.P.E.N., 1969.
- Goubert P.** Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France au XVII-e siècle. 2 vols. Paris: S.E.V.P.E.N., 1960.

- Gouhier P.** La population en Normandie du XIII au XIX siècle. Thèse, 1974.
- Hartwell R.M.** The Causes of the Industrial Revolution in England. In: Debates in Economic History. London: Methuen, 1970.
- Hauser H.** Un comité international d'enquête sur l'histoire des prix // Annales d'histoire économique sociale, 1930, t.2, p.384–385.
- Imbert G.** Des mouvements de longue durée Kondratieff. Aix-en-Provence: La Pensée universitaire, 1959.
- Labrousse E.** L'Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle. 2 vols. Paris: Dalloz, 1933.
- Labrousse E.** La Crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris: P.U.F., 1944.
- Labrousse E.** Histoire économique et sociale de la France. Paris: P.U.F., 1970.
- Landes D.S.** The Unbound Prometheus, Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. Cambridge, 1969.
- Le Roy Ladurie E.** Les Paysans de Languedoc. 2 vols. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966.
- Lebrun F.** Les Hommes et la mort en Anjou aux XVII et XVIII siècles. Essai de démographie et de psychologie historique. Paris-La Haye: Mouton, 1971.
- Levasseur E.** Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789. 5 vols. 2-e ed. Paris, 1900–1907.
- Levy Leboyer M.** La New Economic History // Annales: E.S.C., 1969, No.5, p.1035–1069.
- Marczewski J.** Introduction à l'histoire quantitative de l'économie française. vol. 1–11, 1961–1969.
- Martin H.J.** Livre, pouvoir et société à Paris au XVIII siècle (1598–1701). 2 vol. Genève: Droz, 1969.
- Martin H.J. et Febvre L.** Apparition du livre. 1958.
- Mauro F.** Le Portugal et l'Atlantique au XVII-e siècle (1570–1670). Etude économique. Paris: S.E.V.P.E.N., 1960.
- Renouard Y.** La notion de génération en histoire // Revue historique, janvier–mars 1953, t.209, n.425, p.1–23.
- Renouard Y.** Etudes d'histoire médiévale. Paris: S.E.V.P.E.N., 1968.
- Rogers T.J.E.** A History of Agriculture and Prices in England from the year after the Oxford Parliament to the commencement of the Continental War (1793). 7 vol. Oxford, 1866–1902.
- Rogers T.J.E.** Six Centuries of Work and Wages. 2 vols. London, 1884.
- Rostow W.W.** The Stages of Economic Growth. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1960.
- Simiand F.** Les fluctuations économiques de longue période et la crise mondiale. Paris: Alkan, 1932.
- La statistique bibliographique** de la France sous la monarchie au XVIII-e siècle. Paris-La Haye: Mouton, 1965.
- Tapie V.-L. et al.** Enquête sur les retables. 2 vol. Paris, 1972.
- Vilar P.** La Catalogne dans l'Espagne moderne. Recherches sur les fondements économiques des structures nationales. 3 vols. Paris: S.E.V.P.E.N., 1962.
- Vovelle M.** Piété baroque et déchristianisation. Attitudes provençales devant la mort au siècle des Lumières. Paris: Plon, 1973.
- Wailly N., de.** Mémoire sur les variations de la livre tournois depuis le temps de Saint Louis jusqu'à l'établissement de la monnaie décimale. Paris, 1857.
- Wiebe G.** Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. Leipzig, 1895.
- Zolla D.** Les variations du revenu et du prix des terres en France aux XVII et XVIII siècles. Annales de l'école libre des sciences politiques. Paris, 1893–1894.